

СЕРГЕЙ ЛУКОНИН СЕГОДНЯШНИЙ

ПОЧЕМУ вдруг Московский ТЮЗ ставит «Парня из нашего города»? 20 с лишним лет прошло с тех пор, как принесла эта пьеса шумный успех молодому драматургу Константину Симонову. И теперь, вчитываясь в «Парня из нашего города», легко находишь характеры, ситуации, драматургические ходы, которые стали ходячими, долгие годы кочевали из пьесы в пьесу. В самом деле, герой удачливый, преодолевающий все трудности, который в воде не тонет, в огне не горит, и герой, нескладный, неприспособленный, который даже девушке в любви объясниться не может, — разве не знакомы вы во всех подробностях с их многочисленными театральными вариантами?

Но в искусстве почти любая настоящая вещь неизбежно тянет за собой хвост штампов и подражаний, порой очень ловко имитирующих оригинал. Иногда настолько ловко, что мы перестаем отличать копию от подлинника, решительно ставя последний в уныло-однообразный ряд его двойников, забывая, что он-то все-таки подлинник, что он — первый...

Так бывает, но ненадолго. Проходит время, что-то меняется в жизни, и старое, казалось забытое произведение искусства оборачивается для вас совершенно неожиданной, неведомой доселе стороной, оказывается созвучным вашим сегодняшним вопросам, мыслям, тревогам. А подделки, даже самые ловкие, — они такой способностью не обладают.

Утвердился в нашей литературе конца тридцатых годов герой — активный, напористый, жизнеспособный, твердо и уверенно стоящий на земле. «Парень из нашего города», быть может, интереснейшее его драматургическое выражение. И в годы культа личности герой этот постепенно, но неизбежно трансформировался в некий нерассуждающий и неуязвимый бесплодный манекен, при одном виде которого враги в ужасе кидались враспыню. Он любил много говорить, этот манекен, трескуче и высокопарно, стирая и опошляя высокие, дорогие слова в суете неумеренного употребления их к стати и не к стати.

В последние годы искусство наше отвернулось от манекенов, все чаще стало обращаться к человеку живому, подлинному, обычному. Так как же не насторожиться, прочтя на театральном стенде объявление о премьере «Парня из нашего города»?

Но смотришь спектакль — и предубеждение рассеивается быстро. Нет, ни в коей мере не в ответе Константин Симонов за все последующие драматургические метаморфозы своего героя. Писатель увидел его в жизни, уловил существеннейшие черты своего поколения. А раз так, значит, характер этот в чем-то непреходящем, важном ос-

тался нам понятен и близок. И, значит, угадывались уже в нем те качества человеческой природы, которые тогда только начинали формироваться, а сейчас стали обыденностью, нормой.

Режиссер Евгений Симонов, актер В. Горелов последовательно и решительно освободили характер Сергея Луконина от всех канонов и театральных напластований. «Парень из нашего города» играет в ТЮЗе так, будто бы это сегодня написал Константин Симонов пьесу о молодежи тридцатых годов.

В. Горелов — актер боль-

естественно, как есть, пить, любить Варю.

Зрителей первых представлений «Парня из нашего города» волновали прежде всего героизм Сергея Луконина, его мужество, воинская доблесть. И это было естественно — отгремели бои республиканской Испании, позади был разгром белофиннов, на страну неумолимо надвигалась вторая мировая война. И, уловив настроения, симпатии зрительного зала, некоторые драматурги начали концентрировать свое внимание только на этом, пренебрегая всем

«ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА» В МТЮЗе

шого обаяния, естественный, органичный, и в работе над «Парнем из нашего города» эти качества пришлось как нельзя более кстати. В его Сержке Луконине нет ничего решительно от примелькавшегося театрального манекена, скорее он этому манекену полный антипод. Отчаянный, шальной мальчишка, острый на язык, прекрасно чувствующий юмор, любящий девушек, кумир детворы — таким предстает перед нами герой спектакля.

Но ведь Луконин — человек предельно обостренного чувства долга, готовый в любую минуту бросить все и поехать туда, куда пошлет его партия. Как быть с этим? Оказывается, одно не исключает другое, совсем напротив. Актер ведет Сергея к героическим взлетам через человеческое, даже обыденное, если хотите. Безупречное выполнение долга — это для него не обязанность, пусть даже почетная, а потребность души, это для него так же

остальным. Следовательно, окружать героев, подобных Луконину, ореолом исключительности, лишая их обычных человеческих проявлений, тем самым волюно или невольно приподнимая над окружающими, противопоставляя им.

А сегодня мы смотрим «Парня из нашего города» и нас волнует, берет за живое не столько сам по себе героизм Сергея Луконина, сколько естественность, будничность этого героизма. На сцене ТЮЗа перед нами человек вовсе не исключительный, из ряда вон выходящий. Нет, такой, как все. Оказалось, что пьеса Симонова дает возможность такого истолкования, что она абсолютно лишена ходульного пафоса, который вскоре после «Парня из нашего города» вошел в широкое драматургическое употребление. Здесь мне и видится главный смысл возрождения к жизни симоновской пьесы на сцене ТЮЗа.

И — обратите внимание — Сергей почти не говорит возвышенных слов о долге и призвании, если говорит, то очень скупо и только в минуты наивысшего душевного подъема. А нескладный Аркадий Бурмин (артист К. Назаров) — так тот вообще без разговоров оставил место директора клиники в тихом городке и уехал работать во фронтальной госпиталь, чтобы погибнуть там от нелепой, случайной пули. И мужественно скрывая тревогу, боль, не распространяясь о своей женской самоотверженности, ждет Сережку Варю (артистка И. Реаль). Нет, не болтливы герои Симонова, не любят они в пространных монологах растолковывать все оттенки и переливы своих переживаний.

Мне кажется, сегодняшним писателям, работающим для театра, следовало бы пристальнее приглядеться к этому свойству драматургии «Парня из нашего города».

Однако не стоит сводить все к традиционному призыву — учитесь у советской классики. Учеба учебой, но не вечно же в учениках ходить.

Да, многое в «Парне из нашего города» нам сейчас близко, понятно, дорого. Но того, кто вздумает писать нашего молодого современника по образу и подобию Сергея Луконина, ждет безусловная неудача. Ведь пьеса Симонова — о поколении тридцатых годов. А каждое поколение входит в жизнь по-своему. Понять, художественно осмыслить, в чем же заключается сегодняшнее, свое, — это и значит открыть для литературы Павла Корчагина или Сергея Луконина шестидесятых годов.

К. ЩЕРБАКОВ.